

Научная статья

УДК 004.942 + 94:159.953 + 94(470.26) + 728.61 + 325.1 + 004.946

doi 10.15826/tetm.2021.2.012

Дом сельского переселенца: трехмерное моделирование и память о послевоенных миграциях в Калининградскую область

Елена Вячеславовна Баранова¹, Виталий Николаевич Маслов²,
Вера Дмитриевна Орлова³

^{1,2}Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

³Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Тамбов, Россия

¹EBaranova@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7519-4258>

²VMaslov@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1830-4657>

³verorl@yandex.ru

Аннотация. Одним из главных элементов исторической памяти калининградцев является заселение региона советскими людьми после Второй мировой войны. В статье показана возможность применения виртуального моделирования для сохранения памяти о миграционной политике советской эпохи, значимой для отдельных регионов и всего государства. На примере Калининградской области дано детальное описание 3D-реконструкции важнейшего элемента жизни сельских переселенцев — жилого дома. Рассмотрены проблемы поиска и использования в ходе моделирования архивных, устных, материальных, визуальных и других исторических источников как в области вселения, так и в местах выхода переселенцев. Охарактеризованы трудности, возникшие при виртуальном воссоздании отдельных предметов послевоенного советского быта.

Ключевые слова: трехмерное моделирование, историческая память, Калининградская область, послевоенное время, миграции, повседневная жизнь, сельский дом

Для цитирования: Баранова Е. В., Маслов В. Н., Орлова В. Д. Дом сельского переселенца: трехмерное моделирование и память о послевоенных миграциях в Калининградскую область // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 2. С. 45–55. <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.012>.

House of a Rural Migrant: Three-dimensional Modeling and Memory of Post-war Migrations to the Kaliningrad Region

Elena V. Baranova¹, Vitaly N. Maslov², Vera D. Orlova³

^{1,2}*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation*

³*Tambov State University, Tambov, Russian Federation*

¹EBaranova@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7519-4258>

²VMaslov@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1830-4657>

³verorl@yandex.ru

Abstract. One of the main elements of the historical memory of Kaliningraders is the settlement of the region by Soviet people after the Second World War. The article shows the possibility of using virtual modeling to preserve the memory of the migration policy of the Soviet era, which is significant for separate regions and the entire state. Drawing on the example of the Kaliningrad region, a detailed description of 3D-reconstruction of the dwelling house — most important element of the rural settler's life is given. The problems of searching and using in the course of modeling archival, oral, material, visual and other historical sources both in the field of settling and in places of removal are considered. The difficulties that have arisen during the virtual reconstruction of individual items of the post-war Soviet everyday life are characterized.

Keywords: three-dimensional modeling, historical memory, Kaliningrad region, post-war period, migrations, everyday life, rural house

For citation: Baranova, E. V., Maslov, V. N., Orlova, V. D. (2021). Dom sel'skogo pereselentsa: trekhmernoe modelirovanie i pamyat' o poslevoennykh migratsiyakh v Kaliningradskuyu oblast' [House of a Rural Migrant: Three-dimensional Modeling and Memory of Post-war Migrations to the Kaliningrad Region]. *Tempus et Memoria*, 2, 2, 45–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/tetm.2021.2.012>.

Введение

Со второй половины 1980-х гг. в отечественной науке рассматриваются теоретические и методологические аспекты изучения исторической памяти, а также активно исследуются проблемы ее функционирования (см., например: [Касьянов, Чупрынников; Репина]).

Одним из инструментов формирования исторической памяти и «оживления прошлого» являются реконструкции, в том числе визуализации, основанные на использовании современных компьютерных технологий, поиске и изучении широкого круга исторических источников, популяризации и доступности полученных образов для широкой публики [Виртуальная реконструкция...; Вязинкин, Двухжилова; Вязинкин, Ливенцев; Ростовцев]. Трехмерное моделирование выполняется не только в ведущих научных, образовательных и музейных учреждениях страны, но

и на региональном уровне. Сегодня цифровая трехмерная виртуальная реконструкция утраченных объектов, воссозданных на основе источников, обеспечивает адекватный доступ к предмету исследований в области археологии, искусства, архитектуры и истории в эпоху Интернета 3.0/4.0 [Бородкин]. Глубокая интерпретация источников и виртуальное восстановление объектов материального прошлого дают историкам и пользователям более глубокое его понимание

Калининградская область создана после победы над фашистской Германией на части бывшей Восточной Пруссии. В сложившейся в советское и постсоветское время исторической памяти жителей Янтарного края важное место занял этап становления области, одним из важнейших процессов которого стало ее заселение советскими людьми. Особо изучаемым и пропагандируемым направлением в истории формирования калининградского

населения является массовое и организованное перемещение в молодую российскую область сельских тружеников — представителей многонациональной России и Белоруссии. В этом плане региональная историческая память неразрывно связана с исторической памятью страны, что особенно важно в современных условиях, когда Калининградская область как заграничная территории России отделена от нее другими государствами.

В настоящее время в Калининградской области начинают изучать повседневную культуру советских переселенцев послевоенного времени, приехавших на бывшую немецкую землю. С одной стороны, мигранты могли отвергать сложившиеся на ней материальные условия будничной жизни, так как они ассоциировались с противником в войне, которая принесла многим советским людям потерю родных и невероятные лишения, или же, в той или иной степени, использовать немецкие вещи для создания приемлемой каждодневной среды обитания. С другой стороны, переселенцы привозили и применяли в быту вещи и утварь, которыми пользовались в родных местах. При этом многие предметы быта уже частично или полностью утрачены или сохранились в единичных экземплярах. С помощью методов трехмерного моделирования можно воссоздать данные элементы обыденной жизни первого поколения калининградцев, наполнив в познавательном плане интересными виртуальными образами прошлого региональную историческую память.

В Балтийском федеральном университете им. И. Канта Научно-исследовательским центром социально-гуманитарной информатики (НИЦ СГИ) выполняется проект, нацеленный на сохранение исторической памяти о заселении области советскими людьми. Задачей проекта является реконструкция с помощью 3D-технологий сельского дома, который получила и обустроила условная семья, мигрировавшая в регион. Воссоздаваемое виртуальное здание с его внутренними интерьерами является во многом собирательным образом переселенческого дома.

В целом реконструкция интерьера жилых помещений дома переселенца оказалась интересной, но сложной задачей. У музейщиков есть огромный опыт создания мемориальных

интерьеров, когда вокруг чернильницы великого писателя или чего-то подобного начинают появляться вещи эпохи, много мемориальных документов или их копий для экскурсии, по сути, о биографии, а не об образе жизни владельца мемориального жилья. Перед НИЦ СГИ стояла иная задача: виртуальный дом должен с помощью цифровых технологий сохранить память и сделать доступной широкому кругу пользователей визуализацию образа жизни послевоенного поколения, переехавшего не просто на новое, а на воспринимавшееся чуждым место жительства. Но одновременно переезд был связан и с надеждами на лучшую жизнь, ибо родные послевоенные места встретили победителей даже усугубившимися после войны наитяжелейшими условиями жизни и труда. И многие семьи поехали в бывшую Восточную Пруссию ради детей, как переживших военное лихолетье, так и будущих, еще не родившихся, но таких желанных. Манну небесную взрослые для себя не ждали. Были готовы и на тяжелый труд, и на бытовую неустроенность. За войну перетерпели всякое. Но для малышей хотели именно светлого будущего. Поэтому, создав собирательную коллективную биографию семьи, чей дом мы «обставляли», участники проекта хотели показать и психологическую характеристику жителей Калининградской области того времени, а через вещи — их внутренний мир. Отсюда и поиск для оцифровки подлинных простейших, но «говорящих» бытовых предметов и деталей как обретенных на месте вселения, так и привезенных с собой из российских и белорусских регионов.

Источники

При реконструкции дома участники проекта ориентировались на две крупные категории источников. К калининградскому комплексу относятся материалы, связанные с обустройством переселенцев на территории области, позволяющие собрать сведения для моделирования сельского жилого здания, размещения в нем предметов, полученных или найденных в месте вселения и привезенных с собой. Из-за того что многие элементы быта уже исчезли и их не восстановить на основе

калининградских источников, очень важен второй круг источников — те вещи, которые могли быть перемещены из районов переселения мигрантов. В связи с этим изучались материальные объекты, использовавшиеся в послевоенное время в Тамбовской области, являвшейся одной из доноров калининградского сельского населения.

Калининградские источники. Информация о переселенцах и обстоятельствах переезда, обустройстве на новом месте, закреплении на нем или «обратничестве» содержится в разных источниках. Существенную роль в сохранении исторической памяти о формировании сельского населения региона играют архивные документы, материалы устной истории и музейные собрания.

В Государственном архиве Калининградской области (ГАКО) хранятся основной массив сведений о расселении мигрировавших сельских жителей, эшелонные списки переселенцев, статистические данные о прибытии и выбытии переселенческих семей, различные распорядительные и отчетные документы комитетов компартии, советских и, в частности, переселенческих органов управления.

Одним из ценных источников информации о повседневной жизни являются интервью переселенцев. Интервьюирование проводилось в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и в конце 1990-х — начале 2010-х гг. сотрудниками и студентами-историками Калининградского, ныне Балтийского, федерального университета. Тексты этих интервью хранятся в ГАКО и Калининградском областном историко-художественном музее. Также беседы с переселенцами опубликованы в местной периодической печати. При сборе сведений для создания трехмерной модели сельского дома обработаны сведения из почти 300 интервью переселенцев в калининградские села во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. Большинство интервьюируемых (63 %) приехали в регион в возрасте 14–28 лет, 7 % мигрантов были старше 28 лет. Таким образом, респонденты в год прибытия были молодыми людьми, которые осознанно участвовали в жизни переселенческих хозяйств, некоторые из них были главами семей или их супругами. В интервью есть воспоминания об обустройстве домов, полученных мигрантами в колхозах и совхозах.

В постперестроечное время в регионе наряду с государственными (областным историко-художественным и др.) музеями стали действовать муниципальные, частные и школьные музеи, располагающие большим количеством предметов, относящихся к немецкому и советскому прошлому края, в том числе вещи и немецкого, и советского происхождения, принадлежавшие первым советским переселенцам в Калининградскую область. Данные предметы изучались и фотографировались сотрудниками НИЦ СГИ во время экспедиционных поездок в область.

Некоторые сведения об интерьере сельских домов получены из калининградских газет второй половины 1940-х гг.

Немного фотографий, зафиксировавших обстановку и убранство комнат сельского калининградского жилища в послевоенное время. Для реконструкции переселенческого дома использован фрагмент из снятого в 1949 г. документального фильма о Калининградской области. В нем показана комната в доме пасечника П. И. Степанова [Калининградцы].

Мигранты, особенно в первые годы заселения региона, получали жилье в немецких домах, сохранившихся до наших дней. В большей части таких зданий был сделан ремонт, проведена перепланировка. Однако в ходе экспедиций удалось найти и зафиксировать жилые строения в почти неизменном виде, с расположением комнат, сохранившимся с послевоенных времен. У владельцев некоторых домов имеются их поэтажные планы, в которых указаны размеры всех помещений. Также использовалась немецкая специальная литература со схемами типовых сельских зданий, строившихся в Восточной Пруссии в первой половине XX в. [Steinmetz].

Тамбовские источники. Условия жизни тамбовских сельчан в 1945–1950-е гг. стали интересовать музейщиков и краеведов относительно недавно. Фотодокументы в Государственном архиве Тамбовской области и Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области, тамбовских газетах чаще представляют лучшие дома населенных пунктов. Крайне редко делались фотографии тамбовчан в будничной одежде, в которой они мигрировали в другие регионы страны, в том числе в калининградские села.

Бытовая утварь той поры представлена в музеях Тамбовской области. Причем в последние годы Тамбовский областной краеведческий музей проводил регулярные выставки экспонатов из музеев райцентров, что позволило одному из авторов шире увидеть быт послевоенной тамбовской деревни. Предметы традиционные, старые, сохранявшие момент инерции довоенных, а то и дореволюционных лет, или исчезли из обихода, или не интересуют музейщиков. В музеях преобладают праздничная одежда, награды, новые для того времени изделия. Однако в целом музейные экспозиции создают представления о вещах, которые переселенцы могли везти в Калининградскую область.

Также использовалась возможность изучать фотографии и памятные вещи в своих и знакомых тамбовских семьях, разговаривать с родственниками, помнившими исследуемый период взрослыми, подростками и детьми. Из разговоров со стариками стало понятно, что очень тяжелый на Тамбовщине голодный 1946/47 год оказался одним из факторов, повлиявших на принятие семьями решения о вербовке для переезда из родных мест.

Обустройство переселенческих домов

В первые годы переселенческой кампании сельских жителей селили преимущественно в домах досоветской постройки. Рассказывая о качестве строений, переселенцы часто говорят про кирпичные и деревянные дома, крытые черепицей. Один переселенец вспомнил, что его семье достался глинобитный дом. Из комплекса интервью следует, что состояние жилых строений было разным. Переселенцы, прибывшие после начала организованной массовой миграции, могли вселяться в дома, не подвергшиеся разрушению во время боевых действий. Также переселенцам выделялись дома, которые требовали ремонта, так как в области не успевали при нараставшем потоке мигрантов обеспечить всех хорошим жильем. Порой переселенцев селили в полуразрушенные дома [ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 30. Л. 125; Д. 31. Л. 27; Д. 32. Л. 16; Первые переселенцы..., 40; Марков 2020а; Марков 2020б]. В. А. Красильников

описал жилые строения в некоторых частях Озерского района: «Дома на хуторах были разные, были большие барские дома, но чаще всего их быстрее ломали или сжигали, возможно, это обосновывалось ненавистью. В основном в домах были сильно выбиты стекла, некоторые были сильно заброшены; встречались очень хорошие дома» [ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 47. Л. 64]. Конечно, в сельских районах области строили и новые дома, особенно после того, как почти все немецкие здания были переданы мигрантам.

Еду многие переселенцы готовили на немецких кухонных плитах [Наталич, 83]. Встречаются рассказы о кафельных плитах, например, с «блестящими крючками» [Там же, 101]. В поселке Краснолесье Нестеровского района оставшиеся от немцев плиты в некоторых домах используются до настоящего времени. В. Я. Захарова (Малкова) из Полесского района вспомнила, что «печи внутри были сделаны на голландский манер, родители их переделали на русские, так как хлеб выпекали каждый в своем доме» [Там же, 125]. Так поступили многие переселенцы [ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 29. Л. 111; Д. 36. Л. 74; Д. 50. Л. 148; Д. 52. Л. 145, 200]. В прессе отмечалось, что в декабре 1946 г. в калининградских селах сложили более тысячи русских печей [Благоустройство семей...]. Кое-кто модернизировал немецкие печи: «В комнате была большая печка, их называли “галанки”. Мой отец ее чуть-чуть переделал, добавил что-то типа лежанки, как у русской печки» [Там же. Д. 46. Л. 117]. В интервью обращалось внимание и на одновременное использование немецких и русских печей: «Отец сложил русскую печь в доме, голландки мы не ломали» [Наталич, 116], «в доме была печь, большая, разукрашенная узорами, но мы ее убрали и поставили русскую печку... а в другой комнате оставили немецкую» [ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 29. Л. 111].

Во многих интервью респонденты говорят о немецкой посуде. М. В. Фадеева из Полесского района упомянула, что «почти в каждом разрушенном доме можно было найти посуду. Какую-нибудь чашку красивую или тарелку» [Там же. Д. 49. Л. 34]. О. П. Яблочкина (Озерский район) сообщила: «Бывало, что при вспашке полей, огородов под землей обнаруживали чаще всего деревянные ящики,

забитые посудой» [ГАКО. Ф. Р-1191. Оп. 1. Д. 29. Л. 184] (см. также: [Там же. Д. 36. Л. 52, 239; Д. 52. Л. 164]). Впрочем, не все переселенцы сумели раздобыть немецкую утварь. В целом ряде поселков ее находили лишь две — три семьи [Там же. Д. 29. Л. 24]. В муниципальных музеях области экспонируется большое количество немецких стеклянных бутылок и банок, которые пользовались популярностью в переселенческих семьях. Чугунки, тарелки, ложки мигранты часто везли из регионов выхода.

Переселенцы помнят о взятых с собой из родных мест «некоторых предметах мебели» или о перевозке «прежнего имущества: мебели», «всего домашнего скарба» [Там же. Д. 29. Л. 184; Д. 30. Л. 157; Д. 46. Л. 52; Д. 48. Л. 82; Д. 50. Л. 198]. Однако чаще всего мигранты не везли домашнюю обстановку, а могли пользоваться в калининградских колхозах и совхозах немецкой мебелью. Столы, стулья, шкафы, кровати и кушетки оставались в некоторых выделенных или еще пустовавших домах, приобретались у немцев за продукты. Какие-то предметы, хотя уже и не используются, но уцелели до сих пор. К примеру, в Озерском историко-краеведческом музее выставлена немецкая кровать с пружинами. Нередко мигранты сами делали простейшую мебель. С развитием торговой сети обстановку стали покупать в магазинах [Там же. Д. 9. Л. 11, 31; Д. 10. Л. 74–75; Д. 13. Л. 64; Д. 25. Л. 30; Д. 30. Л. 70, 117; Д. 33. Л. 8; Д. 35. Л. 22; Д. 36. Л. 73, 89, 113; Д. 37. Л. 66, 159; Д. 38. Л. 70; Д. 47. Л. 140; Д. 52. Л. 25, 216, 280; Д. 54. Л. 14; Первые переселенцы..., 51; В начале нового пути..., 196, 211].

Трехмерная модель интерьера комнат в виртуальном доме сельского переселенца

Создавая на основе разнообразных источников модель калининградского сельского дома периода послевоенной миграции, участники проекта исходили из того, что внутри здания размещались вещи, привезенные из российских и белорусских регионов, и немецкие предметы. В результате виртуально реконструирован собирательный образ переселенческого дома, его комнат, кухни и разных помещений. При этом проблема использования некоторых предметов до сих пор является дискуссионной

и обсуждается участниками продолжающегося проекта.

Легенда. За основу легенды взяты материалы проекта «Исследование социально-демографического потенциала сельского населения Калининградской области в 1946–1947 гг. с использованием системы управления базами данных». На основе анализа статистических документов выявлено, что в область в 1946 г. мигрировали в основном семьи с детьми. Почти $\frac{3}{4}$ семей, переехавших в Калининградскую область, состояли из 3–6 человек. Доля таких хозяйств достигала 74,2 % от всех семей. При этом почти одинаковым было число семей из 4 и 5 человек (21,6 и 21 % соответственно). В среднем одна переселенческая семья насчитывала почти 5 человек. На основе этих данных принято решение, что «наша» переселенческая семья состоит из 4 человек, из них 2 родителя и 2 детей — младенец и девочка школьного возраста, глава семьи — председатель колхоза.

Техническая работа. Особенности реконструкции интерьера. В рамках проекта создано четыре панорамных вида дома первых переселенцев. Это внешний облик дома, кухня, комната родителей с грудным ребенком, общая комната (спальня дочери) и коридор.

Первоначально команда составила список объектов и предметов, которые вошли в реконструкцию и воссоздали быт советского периода. На основе собранного, обработанного и накопленного материала составлены план-схемы помещений, предназначенные для 3D-моделирования и визуализации, утверждена расстановка мебели и предметов согласно разработанной «легенде», затем был реконструирован сам дом.

В осуществлении проекта наиболее проблемным явился этап визуализации и моделирования. Процесс 3D-моделирования, текстурирования и визуализации предполагает, что конечный результат должен полностью копировать реальные предметы быта в доме, создавать полную иллюзию реальности. Основная проблема связана с тем, что часть предметов создавалась по фотографиям и воспоминаниям. При этом не хватало технических данных, таких как размеры, пропорции, мелкие детали, цвета и т. д. Кроме того, сама работа в программных пакетах 3D-моделирования сложна, требует их хорошего знания и большого опыта работы.

Основным средством в нашей работе стала программа 3d Max, преимущество которой заключается в возможности создания высокоточных и детально выверенных моделей.

Большинство архитектурных элементов интерьера (окна, двери, лестница, печь) воссозданы по предметам, сохранившимся в домах переселенцев. Например, кухонная печь была обнаружена в доме переселенца в Полесске. Если образцы крупных объектов (шкафы, кровати, столы, стулья и др.) изучены в основном в музеях Калининградской области, то мелкие бытовые вещи (предметы обихода, детские игрушки, кухонная утварь) воспроизводились на основе консультаций с тамбовским специалистом. Так, образцы кровати и ученической парты для дочери главы семьи удалось отыскать в краеведческих музеях Озерска и Багратионовска, трофейная немецкая коляска была найдена по послевоенной фотографии, принесенной в НИЦ СГИ жительницей Калининградской области. Включение в реконструкцию мелких бытовых предметов сделало, с одной стороны, модель дома более достоверной, детальной, но, с другой стороны, в несколько раз усложнило работу. Многие вещи вышли из повседневного обихода, не сохранились и были утеряны, так как казалось, что они не представляют никакой ценности. Их возрождение с помощью 3D-технологий стало одной из интересных задач исследования. Например, прототипом игрушечной лошадки послужила деревянная лошадка, сделанная воспитанником детского дома в селе Красивке Тамбовской области в 2013 г. для участия в Покровской ярмарке. Если мальчик XXI в. смог вырезать из доски эту традиционную для тех мест игрушку, то куда более умелые в обработке дерева мужчины в 1940-х гг. легко могли порадовать ребенка чем-то подобным. Саму игрушку смоделировать оказалось несложно, но вот рисунок на ней уже не удалось воссоздать, поэтому она осталась неокрашенной.

Очень непросто в 3D-моделировании является создание «старых вещей», то есть воспроизведение на них потертостей, замысленности, царапин и др. Все эти эффекты в десятки раз увеличивают как саму работу, так и объем модели, что в дальнейшем сказывается на скорости ее просмотра в Интернете. Поэтому в доме большинство предметов новые, что

часто является объектом критики. Например, нередко критиковали входную немецкую дверь, окрашенную лаком, делая упор на нереальность такой «новой красивой двери» у советских переселенцев. Но здесь мы вынуждены были пойти на некий ряд условных ограничений, чтобы не потерять всю модель целиком

Экстерьер дома. За прототип дома взято жилище на окраине современного города Правдинска Калининградской области (бывший Фридланд), сохранившее не только внешний вид, но и планировку 1930-х гг., типичную для немецких зданий в сельской местности. Дом двухэтажный, из кирпича, оштукатурен, покрыт черепицей; площадь первого этажа (восстановлен в 3D) составляет 33 квадратных метра, здесь же имеются четыре окна и одна входная дверь, печное отопление, на второй этаж ведет деревянная лестница.

Прихожая. В доме смоделирована небольшая прихожая с минимумом полезной площади, так как из нее несколько дверей ведут в жилые комнаты и другие помещения. На стене висит велосипед. Некоторые переселенцы подтверждают такое хранение велосипеда в сельском доме. Свое почетное место заняла в прихожей трофейная детская коляска. На вешалке висит одежда, на стене — выбивалка для нее, а не для простых половиков, которые во время уборки просто трясли. Одежду изобразили далеко не новую. Даже оцифровали сильно поношенный головной клетчатый платок бабушки одного из авторов.

Кухня — не только место для приготовления еды, но и полифункциональное помещение в условиях тех времен. Прежде всего немецкая кухонная печка — это тепло в доме. В зависимости от температуры на улице в доме топится разное число печей. Когда в холод приходишь с улицы, то именно тепло кухни создает атмосферу домашнего тепла. Еще и пахнет вкусно. Особенно это чувствовалось в непогоду. У печки — кочерга и запас сухих дров.

Любой переселенец заботится о пропитании в дороге и на новом месте. Наверняка везли с собой кухонную посуду и утварь, искали что-то и на новом месте. Радовались красивым немецким трофеям, но были уверены в надежности привычных старых вещей. Для оцифровки посуды нашлось достаточно. Так как мы выбрали вариант немецкой печки с плитой, то

нельзя было использовать чугуны для русской печки — только кастрюли. На кухне нужна была и утварь, без которой не сварить обед, например, солонка. С трудом в Тамбове нашли токарную деревянную кухонную солонку-поставок, наподобие тех, которыми хозяйки пользовались для стряпни в больших семьях. Ее большая ручка была «ухватиста» при спешке, а ширина поставка позволяла взять соль хоть деревянной ложкой, хоть женской рукой.

На кухне семья могла буднично поесть. Поэтому здесь — простейшие предметы сервировки. Без ложек в дорогу не поедет никто. А тут родные деревянные ложки могли остаться и некоей ментальной связующей ниточкой. Мы выбрали самые простые, несувенирные ложки. Самовар воспринимался и как предмет необходимости, и как символ престижа. Если он был, то везли его на новое место жительства обязательно.

Озаботились мы запасами питьевой воды, местом и принадлежностями для умывания и бритья. Ведь кухня служила и для этого. И закупить хозяйину мы тоже предложили на кухне.

На плите кипятили белье. Именно кипячение в емкости, именуемой вываркой, было основным способом стирки в 1940–1950-е гг. Мы сочли естественным расположить предметы для стирки здесь же, на кухне. Тут же поместили и рубель для глажки нижнего и постельного белья. Натянули веревочки для сушки одежды. Следует помнить ту нехватку одежды, которую люди ощущали в рассматриваемый период. Нередко юбка, брюки, блузка, рубашка, в которых ходили на работу, а дети в школу, были единственными приличными вещами. Хозяйке приходилось стирать их в ночь, а уютить чуть свет. Не было избытка и младенческих вещей. Пеленки, кофточки и прочее тоже постоянно стиралось и снималось с веревочки для переодевания малыша сразу после сушки. Поэтому в непогоду их и сушили над еще теплой плитой. Да и промокший на полевых осенних работах ватник надо было как-то подсушить за ночь. Серьезный дефицит одежды и постельного белья в 1940-е гг. породил и воровство этих нужных вещей. Так что даже в солнечный день хозяйки остерегались сушить белье во дворе без присмотра. Что касается использования чердака, то для тамбовских уроженцев это совершенно непривычно. Тамошние сельские

избы чердака, как хозяйственного помещения, не имеют, а в мещанских городских домах он невысокий и темный. В Калининградской области советские переселенки, как и немки, в высоком чердачном помещении сушили постельное и нательное белье после регулярных стирок.

Отсутствие электричества в доме обозначено керосиновыми лампами.

При реконструкции калининградского сельского жилища спорным остается вопрос о керосиновых приборах для приготовления пищи. Керагаз, примус, керосинка в довоенной жизни СССР — предметы городские. Вряд ли в российском селе они были. Керосин в деревне использовали для освещения. Альтернативой варке пищи в большой печи была стряпня на загнетке на лучинках, а также в летней печурке во дворе. Иная ситуация могла быть в калининградском доме. Участникам проекта удалось найти примусы того периода, но старожилы вспоминают о керосинках. В смоделированном доме показан уже купленный примус, но участники проекта до сих пор не уверены, что переселенческая семья его использовала.

Комната родителей. В комнате родителей с младенцем мы поставили кровати, застелив большую кровать традиционным для центральных российских регионов лоскутным одеялом. Убранство вокруг кровати смешанное — от деревенского полотенца до трофейного гобелена. Исходили из того, что хочется хозяйке уюта в этом, пока обживаемом доме.

Мы также предположили, что здесь же женщине удобно заниматься починкой одежды и шитьем, поэтому в комнате имеются и швейная машинка, и деревянный грибок, который захватили с родной стороны. На какой-то ярмарке он был куплен и служил при постоянной штопке быстрохудящихся чулок и носков. Прядение — необходимое домашнее ремесло того времени, поэтому и самопряжу поставили в это же помещение. В углу поместили сундучок с готовыми рукоделиями и памятными вещами, отрезами ткани.

На немецком шкафу лежит чемодан. Фронтвики нередко возвращались домой с немецкими чемоданами, стараясь прихватить домой хоть что-то из доступных трофеев. Вот и пригодился он для переезда. На дверке шкафа висит наглаженное нагревающимся на плите утюгом нарядное шелковое платье. Ткани были сильно

мнущиеся. Да и молода еще наша хозяйка, хочет пройтись красавицей.

На стенах размещены портреты дорогих родных. Без них невозможно представить ни сельский, ни городской дом той поры. А тут тем более, в разлуке с близкими.

Все малыши мира играют на полу, поэтому в комнате постелили половики и расставили простенькие деревянные игрушки.

Зал и спальня. Вторая жилая комната совмещает функции зала и спальни старшей девочки. В этой комнате могут бывать чужие люди, поэтому она несет основную политическую нагрузку в виде портрета и бюста И. В. Сталина, плаката. Подобные бюсты могли вручаться к каким-то праздникам, типа 30-летия Октября, передовикам социалистического соревнования и т. п. В этой же комнате разложены газеты и журналы. Подписка на газеты была обязательной, а обладание журналом — весьма престижным.

Своеобразный «музыкальный центр» в виде патефона и радиоприемника тоже находится в этой комнате. На столе лежит потрепанный песенник. Люди тех лет не обходились без песен, охотно собирались не столько ради застолья, которое могло быть скудным, сколько ради общения. Вот и на баяне хозяин играет. Кроме того, предложили мы главе семьи сыграть в шашки, положив коробку с ними на стол. Игра нехитрая и вполне распространенная.

Девочка спит в этой комнате. Мать позаботилась об уюте и престиже, повесив здесь еще один гобелен, вполне распространенный, с семейством оленей. А вот застелить кровать мы решили типичным покрывалом — летним одеялом тех лет. В Тамбовской области их называли каньевыми одеялами. Искать его пришлось долго. В итоге в Тамбове нашли очень изношенное, зато подлинное одеяло. Сама девочка приколола вырезанные откуда-то портреты любимых киноактеров. Ведь кино — любимое развлечение того поколения.

В качестве письменного стола использовали трофейный стол из пасторского дома, воссозданный по экспонату, хранящемуся в музее города Озерска. Чтобы подчеркнуть использование перьевых ручек с анилиновыми чернилами, пришлось позаботиться и о кляксах. Тетрадки тоже несли политическую нагрузку в виде портретов вождей на обложке. Книги

на самодельных полках должны были отразить и политическую грамотность отца семейства, и учебу дочки. Ну а уж немецкая кукла была желанна всем девочкам, советские не были исключением. Налаженная немецкая игрушечная индустрия с XIX в. была законодательницей кукольных мод, прекрасно чувствуя симпатии хозяек. Мальчишки и мужчины могли быть агрессивны к трофейным куклам, но женский пол их любил. К дорогой кукле наверняка относились бережно. Какая-то шкатулочка на полке тоже отражение жизни девчонки-подростка.

Статуэтки на комодке — предметы престижа хозяйки, как и салфетки, скатерть и прочее тканевое убранство. Настенные часы с боем тоже очень желанная вещь. Не ходики какие-нибудь, а часы!

Заключение

В рамках проекта с помощью технологии трехмерного моделирования на основе вещественных музейных и документальных архивных источников создана уникальная модель сельского дома первых советских жителей Калининградской области. Участники проекта постарались в вещах выразить не только повседневность, но и чувства, вкусы, амбиции членов семьи, поселившихся в одном из колхозов региона. В дальнейшем планируется создание переселенческого поселка, представляющего разные варианты домов, их планировки, компоновки мебели, печей и т. д.

Для студентов вузов в данный момент разрабатывается учебный курс, посвященный возможностям виртуального моделирования для сохранения памяти об утраченных объектах историко-культурного наследия. Обучающиеся смогут получить не абстрактное представление о продуктах 3D-реконструкций, а сформировать его на примере предметов и строений, использовавшихся на территории родного края.

Виртуальная модель дома, созданная в НИЦ СГИ, уже используется в музейной работе. Гусевский историко-краеведческий музей им. А. М. Иванова демонстрирует ее как часть мультимедийной экспозиции на выставках «Переселенцы — путь в новую жизнь» и «Это наша с тобою земля. 75 лет Калининградской области».

Список источников

- Благоустройство семей колхозников-переселенцев // Калининград. правда. 1946. 13 дек. С. 4.
- Бородкин Л. И. Технологии 3D-моделирования и виртуальной реальности в проектах реконструкции исторических городских ландшафтов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Вып. 3 (89), т. 11. URL: <https://arxiv.gauqn.ru/s207987840009391-9-1/> (дата обращения: 09.09.2021).
- В начале нового пути: Документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1945 — июнь 1947) / сост. В. Н. Маслов. Калининград : ИП Мишуткиной И. В., 2004.
- Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса : сб. науч. ст. / под ред. Л. И. Бородкина, М. В. Румянцева, Р. А. Барышева. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012.
- Вязинкин А. Ю., Двухжилова И. В. К вопросу об историко-культурной значимости виртуальных реконструкций «мест памяти» // Урбанистика. 2019. № 4. С. 44–50. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31495 (дата обращения: 22.08.2021).
- Вязинкин А. Ю., Ливенцев А. Ю. Культурно-историческая память и реконструкция исторических событий // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики : сб. докл. Международ. науч.-практ. конф. : в 6 т. / отв. ред. С. Н. Борисов, И. Е. Белогорцева, С. И. Маматова. Белгород, 2017. С. 140–142.
- Калининградцы: Киноочерк о Калининградской области / реж. Г. Левкоев, оператор Г. Епифанов. М. : Центр студия документ. фильмов, 1949.
- Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4 (269). С. 54–61.
- Марков И. «Ночью в дом пришла косуля, а мама подумала, что немец с автоматом» // Комсомольская правда: Прил. Комсомольская правда в Калининграде. 2020а. 1–8 окт. С. 24.
- Марков И. «Немецкий мальчик ругал нас крепким русским матом» // Комсомольская правда Калининград. 2020б. 22–29 окт. С. 36.
- Наталич И. С. Очерки о новой родине: сборник воспоминаний первых переселенцев Полесского района, 1946 год. Калининград : Центр Печати, 2015.
- Первые переселенцы — детям XXI века: [сборник воспоминаний] / сост., ред. Т. В. Захарюгина. Калининград : Б. и., 2016.
- Репина Л. П. Память и наследие в «Крестовом походе» против истории, или Рождение «мемориальной парадигмы» // Урал. ист. вестн. 2021. № 2 (71). С. 6–16.
- Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопр. музеологии. 2014. № 2 (10). С. 16–21.
- Steinmetz G. Grundlagen für das Bauen in Stadt und Land. 2 Bd. : Ostpreußen. Berlin-München : Callwey, 1917.

References

- Blagoustroistvo semei kolkhoznikov-pereselentsev (1946, December 13) [Improvement of families of migrant collective farmers]. *Kaliningradskaya Pravda*, 4.
- Borodkin, L. I. (2021). Tekhnologii 3D-modelirovaniya i virtual'noi real'nosti v proektakh rekonstruktsii istoricheskikh gorodskikh landshaftov [3D modeling and virtual reality technologies in projects for the reconstruction of historical urban landscapes]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»*, 3(89), 11. URL: <https://arxiv.gauqn.ru/s207987840009391-9-1/> (mode of access: 09.09.2021).
- Kaliningradtsy. Kinoocherk o Kaliningradskoi oblasti* (1949) [Residents of Kaliningrad / Kinoocherk about the Kaliningrad region]. Rezhisser G. Levkoev; operator G. Epifanov. M.: Tsentral'naya studiya dokumental'nykh fil'mov.
- Kas'yanov, V. V., Chuprynnikov, S. A. (2020). Istoricheskaya pamyat', sotsial'naya pamyat': dialektika vzaimodeistviya [Historical memory, social memory: the dialectic of interaction]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 4(269), 54–61.
- Markov, I. (2020a, October 1–8). «Noch'yu v dom prishla kosulya, a mama podumala, chto nemets s avtomatom» [«At night a roe deer came to the house, and my mother thought that a German with a machine gun»]. *Komsomol'skaya pravda: Pril. Komsomol'skaya pravda v Kaliningrade*, 24.
- Markov, I. (2020b, October 22–29). «Nemetskii mal'chik rugal nas krepkim russkim matom» [«German boy scolded us with strong Russian obscenities»]. *Komsomol'skaya pravda Kaliningrad*, 36.
- Natalich, I. S. (2015). *Ocherki o novoi roдинe: sbornik vospominanii pervykh pereselentsev Polesskogo raiona. 1946 god* [Essays on the new homeland: a collection of memoirs of the first settlers of the Polesie region. 1946 year]. Kaliningrad: Tsentr Pechati.
- Pervye pereselentsy — detyam XXI veka* [sbornik vospominanii] (2016) [The first settlers for children of the XXI century] / sost., red. T. V. Zakharyugina. Kaliningrad: [b. i.].
- Repina, L. P. (2021). Pamyat' i nasledie v «Krestovom pokhode» protiv istorii, ili rozhdenie «memorial'noi paradigmy» [Memory and legacy in the “Crusade” against history, or the birth of the “memorial paradigm”]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2(71), 6–16.
- Rostovtsev, E. A., Sidorchuk, I. V. (2014). Muzei i istoricheskaya pamyat' v sovremennoi Rossii [Museum and historical memory in modern Russia]. *Voprosy muzeologii*, 2(10), 16–21.
- Steinmetz, G. (1917). *Grundlagen für das Bauen in Stadt und Land*. 2. Band: Ostpreußen. Berlin-München: Callwey.

V nachale novogo puti. Dokumenty i materialy o razvitii Kaliningradskoi oblasti v gody deyatel'nosti chrezvychainykh organov upravleniya (aprel' 1945 — iyun' 1947) (2004) [At the beginning of a new path. Documents and materials on the development of the Kaliningrad region during the years of the emergency management bodies (April 1945 — June 1947)] / sost. V. N. Maslov. Kaliningrad: Individual'noye predpriyatiye Mishutkinoy I. V.

Virtual'naya rekonstruktsiya istoriko-kul'turnogo naslediya v formatakh nauchnogo issledovaniya i obrazovatel'nogo protsessa (2012) [Virtual reconstruction of historical and cultural heritage in the formats of scientific research and educational process]: sb. nauch. st. / pod red. L. I. Borodkina, M. V. Rumyantseva, R. A. Barysheva. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet.

Vyazinkin, A. Yu., Dvukhzhilova, I. V. (2019). K voprosu ob istoriko-kul'turnoi znachimosti virtual'nykh rekonstruktsii «mest pamyati» [On the issue of the historical and cultural significance of virtual reconstructions of “places of memory”]. *Urbanistika*, 4, 44–50. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31495 (mode of access: 22.08.2021).

Vyazinkin, A. Yu., Liventsev, A. Yu. (2017). Kul'turno-istoricheskaya pamyat' i rekonstruktsiya istoricheskikh sobytii [Cultural and historical memory and reconstruction of historical events]. *Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 6 tomakh. Otv. red. S. N. Borisov, I. E. Belogortseva, S. I. Mamatova. Belgorod: Institut povysheniya kvalifikatsii Belgorodskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury, 140–142.

Сведения об авторе

Баранова Елена Вячеславовна — кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского центра социально-гуманитарной информатики, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Маслов Виталий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра социально-гуманитарной информатики, старший научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Орлова Вера Дмитриевна — кандидат исторических наук, Тамбов, Российская Федерация

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

*Статья поступила в редакцию 15.07.2021;
одобрена после рецензирования 31.08.2021;
принята к публикации 15.09.2021*

Information about the author

Elena V. Baranova — Cand. Sci. (History), Director of the Research Center for Social and Humanitarian Informatics, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Vitaly N. Maslov — Cand. Sci. (History), Researcher of the Research Center for Social and Humanitarian Informatics, Senior Research Officer of the Institute for Geopolitical and Regional Studies, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Vera D. Orlova — Cand. Sci. (History), Tambov, Russian Federation

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

*The article was submitted 15.07.2021;
approved after reviewing 31.08.2021;
accepted for publication 15.09.2021*